

УЩЕСТВУЕТ едва ли не повсеместно принятое утверждение: потомство оценивает великих людей справедливее, чем современники. Не знаю, кто и когда высказал эту мысль впервые, но прочно закрепилась она в нашем сознании и повторяется всего уже в виде поэтической цитаты: «Большое видится на расстоянье». Думаю, что Сергей Есенин, автор сего афоризма, вкладывал в него содержание куда более широкое, чем мы. Ду-

атических сборника, было подготовлено и начало выходить собрание сочинений! Да еще в первый его приезд в Петроград, в вым его приезд в Петроград, в 1915 году, из 60 привезенных им стихотворений в журналах было принято 51. Разве это не показатель? А изустная прижизненная слава Есенина? А реактерителя слава Сеенина? ция на его смерть? Да и посмертная слава поэта шумела зеленым шумом, росла, разрасталась в каждом поколении. Правда, на ее блеск изредка набегали тени, но они были мимолетными...

Есть два рода художников. Одни на протяжении творческого пути неоднократно меняют основной характер своего письма, другие, напротив, без малейшего отклонения в сторону свершают свое дело, повинуясь указаниям поэтического духа, той единственной, цельной внутренней закономерности, которая дается им в звездный час рождения. Таков и Сергей Есенин. В его жизни и судьбе все объяснимо, и вместе с тем — загадочно и таинственно.

Говорят, слово может выразить все, а вот число, в отличие от него - вещь мертвая. Но мне

С, ЕСЕНИН и Л. ЛЕОНОВ. 1924 г.

маю также, что сама судьба поэта, известная нам история его литературной, и не только литературной, жизни могут служить в некотором роде опровержением этой небесспорной истины.

Да, подлинные размеры великих явлений лучше, детальнее, «сфокусированнее» видны на расстоянии. Но сам факт явления зачастую сильнее и точнее улавливают современники, те, кому выпадает жить в одном времени и дышать со своими ве-ликими одним воздухом. Надо сказать, что внимание к таланту не есть нечто необыкновенное, оно скорее норма, показатель «сейсмографической» чуткости народной души, ее способности на заложенные в реагировать том или ином таланте проявленационального Вспомним, разве не были возведены на пьедестал всеобщей гордости еще при жизни Боян, автор «Слова о полку Игореве», Державин, Пушкин, Некрасов, Державин, Пушкин, Некрасов, Лев Толстой, Достоевский, Горький, Маяковский, Шолохов?!

А Есенин? За одиннадцать активнейшей творческой жизни издано двадцать три по-

гораздо ближе поэтическая версия «умных чисел», ибо умнов число не только передает «все оттенки смысла», но и высвечивает в обыденном и рядовом — чудное и необыкновенное. На мой взгляд, числа не есть холод-ная умозрительная сфера, непроглядная вереница цифровых величин, они таят в себе нечто неожиданное, странное, пропущенное сквозь магический кристалл истории, в нашем конкретном случае — и истории, литера туры. Вот две даты: 1814 и 1914. Столетие. Век. Между двумя вехами в жизни нашей отечественной словесности внезапная и почти необъяснимая перекличка.

1814 год — время первого печатного выступления Александра Пушкина (суббота, 4 июля, «Вестник Европы», № 13, стр. 9— 12). И надо же было так распорядиться ее величеству литерагуре, что через сто лет в январе 1941 года в тесном, но уютном журнале «Мирок» увидели увидели свет шестнадцать стихотворных строк, сотканных из нежного горячеморозного перезвона слов: «Белая береза под моим окном принакрылась снегом, точно се-

ребром»... Совпадение? Возможно. Но вот еще одна любопыт-ная параллель. В том же 1814 году появилось на свет стихотворение недавнего участника взятия Парижа, победителя, видевшего, как донские рысаки пьют воду из самой Сены, уже прославленного к тому времени поэта Константина Батюшкова, стихотворение, в котором прозву-

чали такие строки:

Когда ж Аврора нам,
когда сей день блаженный на розовых нонях
в блистанье принесет...
Как странно знать, что этот необычно яркий образ, столь счастливо найденный лирическим вдохновением Сергея Есенина, появился на свет веком раньше. Ведь это сказочное соединение двух слов «розовый конь» за-

нин был поэт-самородок и только. Полагаю, что оно даже культивировалось ярыми оппонентами чистой и искренней есенинской лирики, его углубленно-внимательного взгляда на нашу историю, на русскую жизнь, на отечественную даль. Да, систе-матического — пушкинского образования у Есенина не было. Но поэтичаской интуицией выходил он на родники народной культуры, на маяки культуры мировой, отбирая из этих бездонных колодцев только то безусловное и необходимое, что требовалось для развития его индивидуального природного даего мироощущения. В этом смысле можно говорить об интуитивной образованности нашего величайшего лирика, о его

ним знаменитое гоголевское «О моя свежесты! О моя юносты». Отчаянное желание удержать былое «половодье чувств» и невозможность этого привели Есенина к такому душевному неравновесию, за которым открывается пропасть. И легче сделать шаг туда, чем жить, постепенно лишаясь всего, чем был силен крепок отпущенный природой талант, подарок звездных небес и до боли родной земли. Вот отчего так нередко бере-

га есенинской лирики, берега его жизни затоплял прилив ми-норной напевности, часто пере-ходящий в зеленую тоску, в упаднические настроения. Но поэт, время от времени, как бы со сна, сбрасывал их с души сво-ей, и тогда берега захлестывала штормовая, вздымленная чередой яростных дней волна весеннего могучего обновления. «Я при-шел на эту землю...» — набатно, во всеуслышание заявил в разгар первой мировой войны двадцатилетний Есенин. Твердые, соразмерные с упругой силой, как шаги по утренней каменистой Москве, эти слова соединили раз и навсегда сердце его с любимым краем.

Незатухающая ни на одно мгновение огненная любовь к Родине «мучила» и «жгла» поэта до самых крайних дней его стремительно короткой жизни. Нет, он не праздный соглядатай, не какой-нибудь тайный посторонний наблюдатель, подмечающий в окружающем мире только те или иные перемены, а весь он — ветер, тревожный соучастник событий, если хотите, собеседник и едва приметной полевой былинки, и пахаря с его тяжелыми думами о пахоте и хлебе. В этих беседах поэт как бы пытается разобраться в самом главном, в самом сето на перифет бе. И пускай где-то на периферии его творчества пока что звучат нотки «отчаянного хулиганства», пускай порой ему мерещится, что он находится на по-ложении «иностранца» в родной стране, все-таки он уже внутренне, кровно — на стороне об-новляющегося, свежего порыва времени, революционного его па-

И он приветствует жизнь и революцию не «звоном щита», но «красным колокольным» ударом своего сердца, всей мощью своего таланта:

Листьями звезды льются В реки на наших полях. Да здравствует революция на земле и на небесах!

Нам ли страшны голководцы Белого стада горилл? Взвихренной конницей

К новому берегу мир.

Он так сейчас охвачен «голубым пожаром» нахлынувших чувств, прикоснувшихся к коренных, не известных в России потрясений, что в круговерти бессонниц и вдохновений забывает о технической стороне стихотворения.

 Какая же, к черту, ато рифма? — сказал бы какой-нибудь современный горе-критик: «горилл-мира». А что за строки — неряшливые, разболтанные, неуклюжие. Да тут все безгра-мотно и безвкусно!

Но погодите со своими скороспелыми выводами, не старайтесь опрометчиво изменить порядок слов, не вгоняйте поэзию в железный строй строго ритмической речи - всякое прикосновение к организму есенинского стиха обернется, уверяю я вас, пораженьем, крахом.

«Кто-то к Родине отвык», «говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт». Неправда, будто писатель забыл грамматические правила.

У поэтически мощного, безоглядного вдохновения свои правила, свои законы. Ну как здесь не вспомнить опять великого Пушкина: «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю». Да, гладкопись в содержанию, в ущерб главной,

крепилось в соз энии читающей публики как атт обут всенинского мироощущения, есенинского слуха и зрения. Словно я вес енней

Словно я вес енней гулной ранью проскакал на розовом ноне... Через всы жиз внь его, через сульбу проскакал выогой вдохирев ния, протяжной, неоглядной фомой, розовый конь. Легиме чуткие копыта расстелили по земному лону слегка затумане нный, но насыщенный до пред ла художест-венной конкретн стью зримый ритм, ритм чисто русский, без каких-либо примесей чужого. Этот ритм идет из тайников на-шей природы и льется из самой души человеческой, отталкива-ется от самобытного характера отчего слова. И какое же сердце не откликнетия на этот малиновый звон, но эти непрерывные возвращения равновеликих промежутков, на эти воздушные сильные паузы.

Вот он, есенинский ритм, — морозный, статный, ладный, выражающий себя как в расположении слов, так и в интервалах между ними, в рифмах и алли

Терациях:

Зх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерэлые осин.
У меня отец — крестъянин,
Ну а я — крестъянский сын. Гулкие «з» и приглушенные «с» как бы в стремительном беге стараются занять одиноков пространство времени, а ударные гласные «а», «е», «и», «о», «у», «ы», «э», «я» — растягиваются, как мехи тальянки, оставляя после себя нарастающее эхо. Одно-единственное междометие «эх» говорит нам, что дорога, по которой мчатся сани,ухабистая, неровная, та самая --«неприглядная дорога, да любибимая навек, по которой ездил много всякий русский человек»... «Всякий» — казалось бы, самое обыденное слово, простой, «заезженный» эпитет, на первый взгляд, не несущий даже ника-кой эмоциональной нагрузки... Но сколько скрывается, сколько толпится за ним значений, чувств, смыслов — каждый; разного рода; какой ни есть; какой бы ни был... Можно продолжать и продолжать.

Существует неизвестно кем созданное мнение, что-де Есебезошибочной ориентации в море европейской тысячелетней культуры. А о том, как глубоко «копал» Есенин в поисках живых источников, питающих талант русского поэта, свидетель ствуют его работа «Ключи Магии предков, к корням народной песни, русской загадке и былине. Говорят, что даже в голодный год поэт выменял знаменитый трехтомник Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», отдав за него оклунок муки...

Давным-давно знаю, что всту-ать в поэтические владения пать в поэтические владения Сергея Есенина комментаторомисследователем крайне опасно. И говорить о поэте спокойно-рассудительно, без восторга тоже невозможно. Да и сказано о нем немыслимо много, почти

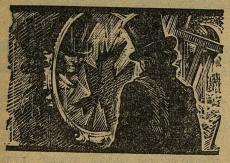
все. И все-таки... Музу Сергея Есенина всерьез не назовешь красавицей. Напротив, порой она грубовато-проста, корява, неотесанна. Она похожа на плодородный, не обработанный техникой живой пласт земли, на ветвистое, естественно шумное дерево, на могучий, сильный его корень. Вот отчего у лирики Есенина так много размаха и вешнего проливного дерзновения. Она, как и ее создатель, исключительно уверена в себе — так верят в свою судьбу солнце, море и суша. «Блажен, кто смолоду был молод», — произнес однажды Александр Пушкин. И мне кажется порою, что эти слова целиком относятся к Есенину и многое в нем объясняют.

Да, в основе есенинского мироощущения лежит молодость. Молодость восприятия мира, молодость чувства, молодость шевного равновесия, молодость зрелого, ясного ума. Интуитивно поэт все осознавал и всю жизнь боялся это потерять. Отсюда и горькие, исполненные высочайшего трагизма строки: «О, моя утраченная свежесть, буйство глаз и половодье чувств».

Во многом стихийно-молодой дар Есенина схож с таким же чувственным стихийным даром Гоголя. Поэтому и явная перекличка воспринимается нами как органическое явление. Вспом-

магистральной идее была всегда чужда творческой сути Сергея Есенина. Ему, сыну обрывистых речных утесов, изломанных окских берегов, сыпучих снежных сугробов, волнующихся нив, не могла «приглянуться» как «стих без мысли в песне модной» ровная, без сучка и задоринки, дорога. Знал ли Сергей Есенин или кто-то ему тайно нашептал «свыше», — как еще в седой древности, далеко до нашей эры Марциал защищал свою «негладкость», защищал яро, самозабвенно, почти отрешенно:

Ты не одобряещь никаких стихов, бегущих гладной дорогой?

Но разве жизнь — самобранная отутюженная скатерть, разве она — накатанный, равнинный путь?..

Нет, еще раз нет. Это понял Сергей Есенин сразу же, с первого шага в литературу. Существует бесчисленное множество характеристик поэзии. Едва ли не каждый, прикоснувшийся к ней, пытался выразить суть этого загадочного явления. Казалось бы, уже можно и обобщить опыт, создав единую, универ-сальную формулировку. Но в том-то и дело, что единственно-го ответа нет и не может быть никогда. Каждый говорящий вкладывает в предмет разговора свое, каждый перетягивает канат на свою сторону. И, пожалуй, в рассуждениях о поэтике того или иного автора следует исходить прежде всего из его собственных определений.

В августе 1925 года Есенин написал одно из самых замечательных стихотворений, вошедших в лирический цикл «Персидские мотивы». В нем есть четверостишие:

Быть поэтом — это значит то же, Если правды жизни не нарушить, Рубцевать себя по нежной коже, Кровью чувств ласкать чужие души.

Стоп! Вот и определение. Никакой литературной основы в нем нет — одно только ощущение, одно утверждение: поэт -сплошное живое чувство,

это человек, который своей живучей кровью ласкает чужие души. Скажу честно, я знаю наи-зусть эти стихи от первой строки и до последней точки. Но всякий раз я ликую, когда вспоминаю их, — настолько они со-ответствуют моему понятию о поэзии, ее внутренней содержательности.

Намного раньше знакомства с Есениным я был очарован моим земляком Михаилом Александровичем Шолоховым. Я читал и перечитывал «Тихий Дон» запоем. В третьей книге романа есть неожиданные авторские замечания — «эти дни одоле-вала его поэзия, чужая певучая боль». Опять перекличка двух очень родственных душ, перекличка двух русских рек -Дона и Оки.

Я рос в краю, где дерево, как гостинец на праздник, было редкостью. В тот год, помню, мне исполнилось шестнадцать счастливых лет. Схоронившись в пыльподсолнухах от постороннего взгляда, я достал зеленый двухтомник стихотворений прочел:

Тот, кто видел хоть однажды Этот край и эту гладь, Тот почти березке каждой Ножку рад поцеловать.

Опять что-то незнакомое' очень знакомое, недавнее и давнее, наподобие чистой родниковой струи, окатило меня с головы до пят. Опять до головокружения и шума вспомнилось и зазвенело гулкое и горячее:

«В поредевшей темноте Григорий видит сбитую выше колен Аксиньину рубаху и березово белые ее ноги». И здесь, что ни говори, родственность ощущений налицо. Но дело, пожалуй, не только в этом. Ведь примени-тельно к Сергею Александровичу Есенину можно говорить о единой и цельной образной системе, нередко перекликающейся с системами близких художников, как уже выше названный мной Гоголь, как Пушкин, Мая-

Примеры? Да их можно привести сколько угодно, всех не упомянешь. Но мне хочется

снова выписать, процитировать из того же Шолохова только три коротких предложения: «За ветряком, в сухих кукурузных бодыльях, спотыкаясь, сипел ветер. На причаленных крыльях хлопало оборванное полотно. Казалось Григорию, будто над ним кружит, хлопая крыльями, и не может улететь большая птица»,— читаем мы в первой кни-ге «Тихого Дона». И тотчас же приходят на память стихи Сергея Есенина:

Здесь даже мельница — бревенчатая птица С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Боюсь, что кому-нибудь может прийти мысль о прямом заимствовании. Но охладим пыл указанием на первоисточник, народную загадку, записанную известным собирателем фольклора Дмитрием Николаевичем Садовниковым: «Птица — юстрица, на девяти ногах стоит, крыльямашет, а лететь не может».

И напомним еще раз, что для выходца из села народная сло-весность, устная поэзия не была мертвым книжным грузом: в языке жили пословицы и причитания, широко бытовали поговорки и загадки. Любой сельский человек, любой мирянин почитал природу такой же живой и так же разумно действующей, как и он сам. Много было в природе — близкого, родного, порою таинственного, необыкновенного для крестьянина. Появлявопросы, требующие ответа. Умение загадывать и отгадывать причудливые загадки всегда считалось на Руси призна-ком мудрости. Загадка не толь-ко обладала художественными формами, но несла и поэтическое содержание, рождала метафорическое образное восприятие мира. И отражение его в творчестве писателей — явление закономерное.

Сергей Есенин — может быть, и весь сам — наиболее дивная загадка в просторах нашей поэ-

Ах, как я любил и люблю юное, стремительное — вот это:

Дремлет взрытая дорога. Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонной Увидал вчера в тумане: Рыжий месяц жеребенком Запрягался в наши сани.

Я читал и буквально бредил его ураганными метафорами и шквальными эпитетами. тал и долго разгадывал, нет, не кроссворд, не ребус, а российскую эпико-лирическую загадку, ее роскошный интонационный строй.

Опуститься на самое песчаное дно этих строк, проникнуть в березовую чащу неукротимых чувств и ощущений, понять слово до конца можно только учитывая рожденную нашим простолюдином, опять же загадку: «Сани бежат, а оглобли стоят». Да это же картина! Пейзаж, списанный с натуры. Открытая взору панорама — вид реки. В оглоб-ли — берега реки — саней запряжена молодая деревенская луна, а если сказать попроще это вечерний, осенний месяц над рекой.

Вспоминаю, как по приглашению сестер Есенина двадцать один год назад я приехал первый раз в Константиново, на землю, которая родила его. Вспоминаю, как стоял, не шелохнувшись, на крутом берегу полноводной синей Оки. Мимо меня проплывали, как небольшие старые пароходы, крестьянские избы. Отсюда видно, как река неторопливо, без особых усилий делает излучину — это знаменитый Макаров угол. Здесь когда-то таскала свои тяжелые жернова водяная мельница, к ней был приставлен старый мельник (не он ли прототип мельника, того радушного, чуткого мужика из гениальной поэмы «Анна Снегина»?).

А вот и небольшой дом с мезонином, «немного присевший на фасад». Уютная, скромная, спокойная терраска, солнечная, просторная горница.

Имение Лидии Кашиной! Имение Анны Снегиной! Здесь разворачивалась народная драма. Здесь ответил и главный герой поэмы на запрос радовских мужиков: «Кто такое Ленин?». Он

детали преследуют тебя на каждом шагу.

Все они постепенно складываются вместе и дополняют картину увиденного и прочувствованного в тот момент, когда невольно, должно быть, вместе с ощущениями этого уже полуза-бытого быта — давно исчезнувших плетеных палисадов, деревянных сох, - вместе с воспоминаниями о вечернем самоваре под раскидистыми, цветущими деревьями приходит он, великий поэт земли русской Сергей Есенин. Он «очень и очень любил родину» и посвятил ей всю свою жизнь. Поэт знал, что землю, на которой рождаются, не выби-рают, как не выбирают отца и мать. Настоящий поэт приходит

произнес только одну фразу, два слова: «Он - вы».

Когда бродишь по незнакомым, но вместе с тем дорогим тебе местам, связанным с жизнью того или иного великого человека, то факты из его жизни, а порою и отдельные мелкие

Чтобы не умирал его народ. Сергей Есенин — пахарь, косарь в непасенных лугах отчего края. Я вижу, как он идет долинсй, «последний поэт деревни». Ему кланяются в пояс вчерашние и нынешние цветы.

для одного и только одного.

К черту я снимаю свой костюм английский. Что же, дайте носу, я вам покажу — Я ли вам не свойский, памятью деревни я ль не дорожу?

Какие распахнутые строчки, точно окна настежь — в голубой утренний мир! Как воскрешают они нравственные наши силы! Ими дышит и не надышится грудь человека. Так и кажется, что их пропели звучные богатырские травы необъятных российских земель.

Их никогда не постигнет засуха, ибо строки эти, слова этижизненный дух самого народа, его «заливная соловьиная замашка», как говорил В. И. Даль. Строки эти — ясность и лепота. Все тут неподдельно, безоблачно-сине и мудро. Слушатель, почуяв их, возвращается к чему-то родному, слегка позабытому, к тому, что гнездилось когда-то в людском сознании и было «однажды напугано неласковым шумом житейских сует и хлопот».

Слова эти звенят из края в край не чужой, а доморощенной нашей любовью, любовью — повенчанной с гулкой пахучестью степей, с летним рассветом, с поздней беззвездной ночкой, со всем тем радостным и печальным, что дается трудовому человеку на земле.

БЫЛО в конце сороковых годов. Стояла снежная, морозная сибирская зима. Я учился тогда в восьмом классе. Во время каникул как-то съездили мы с товарищем в соседнюю деревню, к его родственникам. Пока мой друг оживновостями, я нашел на столике в углу небольшой томик стихов в светлой обложке. Издана была книжка изящно, на хорошей бумаге - она так и просилась в руки. Признаюсь сразу: имя автора — Сергей Есенин — было знакомо мне больше понаслышке. В школе мы его еще не проходили, а книг его в те годы почти не встречалось (в нашей глуши -тем более). Перелистывая томик, я поразился необычности стихов: и яркая цветистость, и гру-

боватая прозаичность, и потря-

Николай ДАМДИНОВ

СУТЬ ЕГО ВИИ

сающая нежность - все было здесь. «Весенняя гулкая рань» и «несказанное, синее, нежное» отлично уживались с «навозом» и «рязанской кобылой».

К моему счастью, хозяева не подозревали об истинной цене томика. Они охотно разрешили мне взять книжку: «Пожалуйста! Какой разговор!». И я стал обладателем стихов и поэм великого русского лирика.

...На обратном пути, в санях, под свист снежного встречного ветра, я прочитал другу удержавшиеся в памяти строки: «Ах, метель такая, просто черт возьми. Забивает крышу белыми гвоздьми». Еще вспомнилось:

«Поет зима - аукает, мохнатый лес баюкает стозвоном сосняка». Так в мою ж сизнь вошел Есенин

Поскольку о Есенине в те годы говорилось и писалось мало, постигать поэта было предоставлено мне самому. Но этот процесс облегчался тем, что стихи сами проникали в душу. Бывало, идешь в начале лета утром по лесу, и откуда ни возьмись, на языке - строки: «Выткался на озере алый свет зари. На бору со звонами плачут глу-хари. Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. Только мне не плачется — на душе светло».

Позже, в годы учебы в Литературном институте, три имени

засияли передо мной, как определяющие ориентиры: Маяков-Есенин, Блок. Каждый из них был по-своему дорог, посвоему велик, по-своему неповторим. В Литинституте я понял: нельзя противопоставлять великих поэтов. Один приходит к тебе в час грозы с неукротимым пламенем в очах, придает тебе силы, мужество, другой посидит с тобой рядом в тихий миг летнего вечера, успокоит, умиротворит душу, а без присутствия третьего жизнь твоя была бы неполна, ущемлена в чем-то очень ценном и высоком...

Приход гения всегда неожидан. Когда входил в литературу Сергей Есенин, многие видели в нем эдакого удачника из крестьянских масс. А это был человек, вобравший в себя и Пушкина, и Гоголя, и Достоевского... Могучая сила таланта плюс культура и неустанный, самосжигающий труд дали в итоге тот волшебный плод, который мы называем творческим вкладом гения в мировую культуру. Сегодня ясно каждому: без имени Сергея Александровича Есенина нельзя себе представить не только русскую, советскую поэзию, но и мировую литера-

В коротких заметках бесполезна попытка охватить творчество поэта во всем объеме. Но нельзя не подчеркнуть главного: Есенин, этот тончайший лирик, с не меньшим основанием мо-жет зваться и поэтом-гражданином. Ему принадлежат проникновенные стихи о Руси Советской, он сумел сказать сердечные строки о Ленине. А как задушевно писал он о братстве на-родов, видя в СССР прообраз грядущего единения планеты!

Мы живем в эпоху, когда прекрасное описание природы перестало быть просто пейзажем, — оно зовет людей заботиться о родной земле, охранять ее красоту. А сокровенные строки о лирических переживаниях человека — не взволнованные свидетельства любви. Они облагораживают личность, делают ее выше, честней, добрей, не дают черстветь дуный век. Так родники, быющие со дна лесного озера, не дают ему заплесневеть, зарасти тиной.

Точно такова родниковая, вечно свежая, животворная поэзия Сергея Есенина — гения, родившегося на «шестой части земли с названьем кратким «Русь».

УЛАН-УЛЭ